

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

(1921 январь, предположительная дата написания.)

1922 *Int. Z Psychoanal.*, т. 8 (3), 249-258.

1924 *G. S.*, т. 5, 387-399.

1926 *Psychoanalyse der Neurosen*, 125—139.

1931 *Neurosenlehre und Technik*, 173—186.

1940 *G. W.*, т. 13, 195-207.

От Эрнеста Джонса (1962b, т. 3, с. 104) мы узнаем, что эта работа, по всей видимости, была написана в январе 1921 года; во всяком случае Фрейд зачитал ее в сентябре того года на неформальной встрече во время путешествия по Гарцу небольшой группе своих ближайших коллег (Абрахаму, Эйтингону, Ференци, Ранку, Захсу и самому Джонсу).

А

Ревность относится к аффективным состояниям, которые подобно печали можно охарактеризовать как нормальные. Там, где она в природе бы отсутствует в характере и в поведении человека, оказывается справедливым вывод, что она подлежит сильнейшему вытеснению и поэтому в бессознательной душевной жизни играет тем большую роль. Случаи ненормально усилившейся ревности, с которыми приходится иметь дело анализу, оказываются состоящими из трех слоев. Три слоя, или ступени, ревности заслуживают названий 1) *конкурирующей* или нормальной, 2) *спроецированной*, 3) *бредовой*.

О *нормальной* ревности мало что можно сказать в аналитическом отношении. Нетрудно увидеть, что она состоит в основном из печали, боли из-за предполагаемой потери объекта любви и нарциссической обиды, насколько одно можно отделить от другого, далее из враждебных чувств к предпочтенному сопернику и из более или менее большого вклада самокритики, которая хочет сделать собственное «я» ответственным за потерю любви. Эта ревность, если мы называем ее нормальной, отнюдь не является полностью рациональной, то есть возникшей из актуальных отношений, пропорциональных действительным условиям и всецело управляемых сознательным «я», ибо она не коренится глубоко в бессознательном, не продолжает самые ранние побуждения детской эффе́ктивности и не происходит из эдипова комплекса или из комплекса брата и сестры первого сексуального периода. Тем не менее примечательно, что некоторыми людьми она переживается бисексуально, то есть у мужчины помимо боли из-за любимой женщины и ненависти к сопернику мужчине усиливается также печаль из-за бессознательно любимого мужчины и ненависть к женщине как сопернице. Мне также и известно об одном мужчине, который тяжело страдал от своих приступов ревности и, по его словам, испытывал самые тяжелые мучения, сознательно представляя себя неверной женщиной. Ощущение беспомощности, которое он тогда ощущал, образы, которые он находил для своего состояния, как если бы он, подобно Прометею, был оставлен на съедение коршуну или брошен связанным

у змеиного гнезда, он сам соотнес с впечатлением от нескольких гомосексуальных посягательств, пережитых им, когда он был еще мальчиком.

Ревность второго слоя, или *спроецированная*, у мужчины, как и у женщины происходит из собственной неверности в жизни или из побуждений к неверности, которые подверглись вытеснению. Повседневный опыт показывает, что верность, особенно требуемая браком, может поддерживаться только против постоянных искушений. Кто отрицает ее в себе, тот все же настолько сильно ощущает ее давление, что охотно прибегает к помощи бессознательного механизма, чтобы испытать облегчение. Он достигает такого облегчения, более того, оправдания перед своей совестью, если собственные побуждения к неверности проецирует на своего партнера, которому он обязан хранить верность. Этот сильный мотив может затем воспользоваться материалом восприятия, который разоблачает точно такие же бессознательные побуждения другой стороны, и может оправдываться рассуждением, что партнер или партнерша, наверное, немногим лучше, чем сам этот человек¹.

Общественные обычаи разумным образом считаются с этим положением вещей, предоставляя определенное Пространство кокетству замужней женщины и захватническим устремлениям супруга в ожидании этим дренировать и обезвредить неустранимую склонность к неверности. Обычай устанавливает, что обе стороны не должны ставить в счет друг другу эти небольшие шажки в направлении неверности, и чаще всего добивается того, что вожделиние, расплавленное посторонним объектом, удовлетворяется возвратом к верности собственному объекту. Однако ревнивца не желает признавать этой общепринятой терпимости, он не верит, что бывает затишье или разворот на пути, на который однажды вступили, что общественный «флирт» может быть также гарантией от настоящей неверности. Общаясь с таким ревнивцем, нужно избегать оспаривать материалы, на которые он опирается, можно лишь попытаться склонить его к другой их оценке.

Ревность, возникшая из-за подобной проекции, хотя и носит чуть ли не бредовый характер, не может устоять перед аналитичес-

¹ Ср. строфу в песне Дездемоны [«Отелло», акт IV, 3-я сцена; в предыдущих немецких изданиях цитата на английском языке воспроизведена неверно]:

*I called my love false love; but what said he then?
If I court moe women, you 'll couch with moe men.*

[Не плачь, — говорит он, — не порть красоты,

Я к женщинам шляюсь, шатайся и ты. — Перевод Б. Пастернака.]

кой работой, которая раскрывает бессознательные фантазии о собственной неверности. Хуже обстоит дело с ревностью третьего слоя, собственно *бредовой*. Также и она происходит из вытесненных стремлений к неверности, но объектами этих фантазий являются лица того же пола. Бредовая ревность соответствует перебродившему гомосексуализму и по праву отстаивает свое место среди классических форм паранойи. Как попытка защиты от слишком сильного и омосексуального побуждения ее можно было бы описать (у мужчины) формулой: «Я его не люблю, *она* его любит»¹.

В случае бреда ревности нужно быть готовым к тому, чтобы выводить ревность из всех трех слоев, но никогда из одного только третьего.

Б

Паранойя. По известным причинам случаи паранойи чаще всего не поддаются аналитическому исследованию. Между тем в последнее время благодаря интенсивному изучению двух параноиков мне все же удалось вывести для себя нечто новое.

Первый случай касался молодого мужчины с полностью сформированной паранойяльной ревностью, объектом которой была его безусловно верная жена. Бурный период, в котором им беспрерывно владел бред, был уже позади. Когда я его увидел, он продуцировал лишь изолированные приступы, которые продолжались несколько дней и, что любопытно, регулярно возникали в день после полового акта, впрочем, удовлетворительного для обеих сторон. Правомерен вывод, что каждый раз после удовлетворения гетеросексуального либидо в приступе ревности требовал своего выражения одновременно возбуждавшийся гомосексуальный компонент.

Его материал представлял собой приступ, возникавший в результате наблюдения за самыми незначительными признаками, благодаря которым ему раскрывалось совершенно бессознательное, незаметное для других, кокетство жены. То она неумышленно дотрагивалась до господина, сидевшего рядом с ней, то слишком наклоняла к нему свое лицо или улыбалась дружелюбнее, чем когда оставалась наедине со своим мужем. Ко всем этим выражениям ее бессознательного он проявлял чрезвычайное внимание и всегда умел

¹ Ср. рассуждения по поводу случая Шребера: (1911c) [раздел III; см. выше, с. 186 и далее].

их правильно истолковать, так что в сущности он всегда был прав и для оправдания своей ревности мог призвать еще и анализ. По существу он свел свою ненормальность к тому, что острее воспринимал бессознательное своей жены и придавал ему гораздо большую значимость, чем это могло бы прийти на ум кому-то другому.

Мы помним о том, чтобы и преследуемые параноики ведут себя точно так же. Также и они не признают у других ничего индифферентного и используют в своем «бреде преследования» малейшие намеки, которые дают им эти другие, посторонние люди. Смысл их бреда преследования состоит именно в том, что от всех посторонних людей они ожидают чего-то сродни любви; но эти другие ничего подобного не проявляют, они усмеваются, размахивают своими палками или даже плюют на землю, когда те проходят мимо, и этого действительно не делают, если к человеку, стоящему поблизости, проявляют какое-либо дружеское участие. Это делается только тогда, когда данный человек кому-то совершенно безразличен, когда с ним можно обращаться как с пустым местом, и параноик, основываясь на принципиальном родстве понятий «чужой» и «враждебный», не так уж неправ, когда воспринимает такое безразличие в отношении своего требования любви как враждебность.

Нам теперь кажется, что мы весьма неудовлетворительно описываем поведение ревнивого, равно как и преследуемого параноика, когда говорим, что они проецируют вовне на другого человека то, что не хотят воспринимать в собственном внутреннем мире.

Разумеется, они это делают, но они проецируют, так сказать, не наобум, не туда, где нет ничего похожего, а руководствуются своим знанием бессознательного и перемещают на бессознательное других внимание, которого они лишают собственное бессознательное. Наш ревнивец распознает неверность жены вместо своей собственной; когда он осознает неверность своей жены в огромном преувеличении, ему удастся сохранить бессознательной собственную неверность. Если считать, что этот пример может служить мерилom, то мы вправе заключить, что и враждебность, которую преследуемый обнаруживает у других людей, является отблеском собственных враждебных чувств по отношению к этим другим. Поскольку мы знаем, что у параноика преследователем становится как раз самый любимый человек того же пола, возникает вопрос, откуда берется эта инверсия аффекта, и напрашивающийся ответ состоял бы в том, что всегда имеющаяся амбивалентность чувств закладывает основу для ненависти, а невыполнение любовных требований ее усиливает. Таким образом, амбивалентность чувств оказывает пре-

следуемому ту же услугу для защиты от гомосексуализма, что и нашему пациенту ревность.

Сновидения моего ревнивца оказались для меня большой неожиданностью. Они не возникли одновременно с началом приступа, и хотя по-прежнему господствовал бред, они были полностью свободны от бреда и позволили распознать лежащие в их основе гомосексуальные импульсы, замаскированные не больше, чем это обычно бывает. При моем незначительном опыте толкования сновидений параноиков у меня тогда были все основания в целом предположить, что паранойя в сновидение не проникает.

Состояние гомосексуализма у этого пациента можно было легко проследить. Он ни с кем не завязывал дружеских отношений и не обнаруживал никаких социальных интересов; создавалось впечатление, что только бред взял на себя дальнейшее развитие его отношений к мужчине словно для того, чтобы наверстать часть упущенного. Незначительная роль отца в его семье и постыдная гомосексуальная травма в ранние детские годы взаимодействовали, чтобы загнать гомосексуализм в вытеснение и проложить ему путь к сублимации. Вся его юность протекала под знаком сильнейшей привязанности к матери. Среди многочисленных сыновей он был явным любимцем матери и проявлял по отношению к ней сильную ревность нормального типа. Когда позднее он встал перед выбором супруги, главным образом под влиянием мотива обогатить свою мать, в навязчивых сомнениях в девственности невесты проявилась его потребность в девственной матери. Первые годы брака были свободны от ревности. Затем он перестал быть верен своей жене и вступил в длительную связь с другой женщиной. И лишь после того, как он прекратил эти любовные отношения, напуганным определенным подозрением, у него развилась ревность второго, проективного типа, с помощью которой он смог успокоить упреки из-за своей неверности. Вскоре из-за присоединения гомосексуальных импульсов, объектом которых был тесть, она осложнилась до полной паранойальной ревности.

Наверное, мой второй случай нельзя было бы классифицировать без анализа как *paranoia persecutoria*, но мне пришлось рассматривать молодого человека как кандидата на этот исход болезни. У него существовала амбивалентность в отношении к отцу совершенно необычайных масштабов. С одной стороны, он был самым отъявленным бунтарем, который во всем развивался наперекор желаниям и идеалам отца, с другой стороны, в более глубоком слое он по-прежнему оставался наипокорнейшим сыном, который

после смерти отца, испытывая к нему нежные чувства и сознавая свою вину, отказывал себе в наслаждении женщиной. Его реальные отношения с мужчинами, несомненно, находились под знаком недоверия; благодаря своему сильному интеллекту он сумел рационализировать эту установку и обставить дело так, что знакомые и друзья его обманывали и использовали в корыстных целях. Новое, что я благодаря ему узнал, заключалось в том, что классические мысли о преследовании могут присутствовать, не находя веры и не имея ценности. Они могли промелькнуть во время анализа, но он не придавал им никакого значения и регулярно над ними подтрунивал. Возможно, нечто похожее бывает во многих случаях паранойи, и если развивается такое заболевание, возможно, мы считаем высказанные бредовые идеи новыми продуктами, тогда как на самом деле они могли уже существовать с давних пор.

Мне кажется важным выводом, что качественный момент, наличие определенных невротических образований, в практическом отношении менее значим, чем момент количественный, — то, какую степень внимания, вернее, какую меру катексиса могут привлечь к себе эти образования. Обсуждение нашего первого случая, паранойяльной ревности, потребовало от нас равного уважения количественного момента, показав нам, что там ненормальность по существу состояла в гиперкатексисе истолкований чужого бессознательного. Аналогичный факт нам уже давно известен из анализа истерии. Патогенные фантазии, потомки вытесненных импульсов влечения, в течение долгого времени допускаются наряду с нормальной душевной жизнью и не действуют патогенно до тех пор, пока не становятся гиперкатектированными вследствие переворота в экономике либидо; только тогда прорывается конфликт, ведущий к симптомообразованию. Таким образом, благодаря прогрессу нашего знания мы все больше склоняемся к тому, чтобы выдвинуть на передний план *экономическую* точку зрения. Я хотел бы также поставить вопрос: достаточно ли подчеркнутого здесь количественного момента, чтобы охватить те феномены, для которых Блейлер [1916] и другие исследователи в последнее время хотят ввести понятие «расщепление»? Следовало бы только предположить, что усиление сопротивления в направлении психического отвода имеет следствием гиперкатексис другого пути и вместе с тем включение его в этот отвод.

В двух моих случаях паранойи в поведении сновидений выявилась поучительная противоположность. Если в первом случае, как уже упоминалось, сновидения были свободны от бреда, то другой

пациент в большом количестве продуцировал сны о преследовании, которые можно рассматривать как предшественников или замещающие образования для бредовых идей аналогичного содержания. Преследователем, от которого он мог скрыться, только испытывая сильный страх, как правило, был сильный бык или другой символ мужественности, который он сам иногда еще в сновидении распознавал как представительство отца. Однажды он рассказал весьма характерное паранойяльное сновидение, обусловленное переносом. Ему снилось, что я брился в его присутствии, и он заметил по запаху, что при этом я пользовался таким же мылом, что и его отец. Я это делал, чтобы вынудить его к отцовскому переносу на мою персону. В выборе приснившейся ситуации несомненно проявилось пренебрежение пациента к своим паранойяльным фантазиям и его неверие в них, ибо каждодневное видение меня могло его научить, что я вообще не могу пользоваться мылом для бритья и, следовательно, в этом пункте не даю никакого повода для отцовского переноса.

Однако сравнение сновидений у двух наших пациентов показывает, что постановка нами вопроса, может ли паранойя (или другой психоневроз) проникнуть также и в сон, основывается лишь на неправильном понимании сновидения. Сновидение отличается от мышления в бодрствовании тем, что оно может включать в себя содержания (из области вытесненного), которые не могут присутствовать в бодрствующем мышлении. В остальном оно является всего лишь *формой мышления*, преобразованием предсознательного материала мыслей в результате работы сновидения и ее условий¹. К вытесненному наша терминология неврозов не применима, оно не может называться ни истерическим, ни навязчиво-невротическим, ни паранойяльным. И наоборот, другая часть материала, лежащего в основе образования сновидения, предсознательные мысли, может быть нормальной или носить характер какого-либо невроза. Предсознательные мысли могут быть результатом всевозможных патогенных процессов, в которых мы усматриваем сущность невроза. Нельзя понять, почему не каждая такая болезненная идея подвергается преобразованию в сновидение. Стало быть, сновидение может сразу соответствовать истерической фантазии, навязчивому представлению, бредовой идее, то есть оказаться таковой при истолковании. В нашем наблюдении у двух параноиков мы обнаруживаем, что сновидение одного является нормальным, когда мужчина нахо-

¹ |Ср. некоторые замечания при изложении случая женского гомосексуализма (1920«), ниже, с. 274-275. J

дится в приступе, и что сновидение другого имеет паранойяльное содержание, в то время как мужчина по-прежнему насмехается над бредовыми идеями. Следовательно, в обоих случаях сновидение включило в себя то, что в бодрствующей жизни в настоящее время было подавлено. Но также и это не обязательно является правилом.

В

Гомосексуализм. Признание органического фактора гомосексуализма не освобождает нас от обязанности изучить психические процессы при его возникновении. Типичный¹ процесс, уже установленный в несметном количестве случаев, заключается в том, что молодой человек, доселе интенсивно фиксированный на матери, по прошествии нескольких лет после наступления пубертата совершает перемену, идентифицируется с матерью и высматривает объекты любви, в которых он может найти себя заново, которые он тогда хотел бы любить так, как его любила мать. В качестве признака этого процесса обычно на многие годы устанавливается условие любви, что мужские объекты должны иметь возраст, в котором у него произошло изменение. Мы познакомились с различными факторами, которые, вероятно, в различной степени содействуют этому результату. Прежде всего это фиксация на матери, которая затрудняет переход к другому женскому объекту. Исходом этой привязанности к объекту является идентификация с матерью, которая в то же время позволяет в определенном смысле оставаться верным этому первому объекту. Затем склонность к нарциссическому выбору объекта, который в целом более близок и проще выполним, чем обращение к противоположному полу. За этим моментом скрывается другой момент совершенно особенной силы, который, возможно, с ним совпадает: высокая оценка мужского органа и неспособность отказаться от его наличия у объекта любви. Презрение к женщине, антипатия, более того, отвращение к ней, как правило, происходят рано сделанного открытия, что женщина не обладает penisом. Позднее в качестве сильнейшего мотива гомосексуального выбора объекта мы также познакомились с почтительным отношением к отцу или страхом перед ним, поскольку отказ от женщины означает, что избегается конкуренция с ним (или со всеми мужчинами, которые его замещают). Оба последних мотива, фиксация на условии

¹ [Этот типичный процесс Фрейд описал в главе III своего очерка о Леонардо (1910с); см., в частности, *Studienausgabe*, т. 10, с. 124—126.]

обладания пенисом, а также избегание, могут быть причислены к комплексу кастрации. Привязанность к матери — нарцизм — страх кастрации, все эти, впрочем, отнюдь не специфические моменты мы до сих пор находили в психической этиологии гомосексуализма, и к ним еще добавились влияние соблазнения, повинное в ранней фиксации либидо, а также влияние органического фактора, содействующее принятию пассивной роли в любовной жизни.

Однако мы никогда не считали, что этот анатиз возникновения гомосексуализма полон. Сегодня я могу сослаться на новый механизм, ведущий к гомосексуальному выбору объекта, хотя я не могу указать, сколь велика его роль при формировании крайнего, открытого и исключительного гомосексуализма. Благодаря наблюдениям я обратил внимание на несколько случаев, в которых в раннем детстве по причине материнского комплекса проявлялись особенно сильные импульсы ревности к соперникам, чаще всего к старшим братьям. Эта ревность вела к возникновению крайне враждебных и агрессивных установок по отношению к братьям и сестрам, которые могли усиливаться до желания им смерти, но исчезали в процессе развития. Под влиянием воспитания, несомненно, также вследствие сохраняющегося бессилия этих импульсов происходило их вытеснение и преобразование чувств, в результате чего прежние соперники теперь становились первыми гомосексуальными объектами любви. Подобный исход привязанности к матери раскрывает многочисленные интересные связи с другими известными нам процессами. Прежде всего он является полным эквивалентом развития *paranoia persecutoria*, при которой прежде любимые люди становятся ненавистными преследователями, в то время как здесь ненавистные соперники превращаются в объекты любви. В дальнейшем он предстает преувеличением процесса, который, по моему мнению, ведет к индивидуальному развитию социальных влечений¹. И здесь, и там вначале имеются импульсы ревности и враждебности, которые не могут быть удовлетворены, а нежные, равно как и социальные чувства, связанные с идентификацией, возникают в качестве реактивных образований в ответ на вытесненные агрессивные импульсы.

Этот новый механизм гомосексуального выбора объекта, возникновение из преодоленного соперничества и вытесненной агрессивной склонности, в некоторых случаях примешивается к извест-

¹ См. «Психология масс и анализ Я» (1921c) [*Studienausgabe*, т. 9, с. 111 и далее].

тным нам типичным условиям. Из истории жизни гомосексуалистов нередко можно узнать, что перемена у них произошла после того, как мать похвалила другого мальчика и привела его в качестве примера для подражания. Вследствие этого активировалась тенденция к нарциссическому выбору объекта, и после короткой фазы острой ревности соперник становился объектом любви. Но обычно новый механизм выделяется тем, что при нем преобразование осуществляется в гораздо более ранние годы, а идентификация с матерью отступает на задний план. В наблюдаемых мною случаях он также приводил лишь к появлению гомосексуальных установок, которые не исключают гетеросексуальности и не влекут за собой возникновение *Horrorfeminae*¹.

Известно, что очень многие гомосексуальные лица отличаются особо развитыми социальными влечениями и увлеченностью общепользовательными интересами. Можно было бы попытаться дать этому следующее теоретическое объяснение: мужчина, который видит в других мужчинах возможные объекты любви, должен вести себя по отношению к обществу мужчин иначе, чем другой человек, который вынужден видеть в мужчине прежде всего соперника в борьбе за женщину. Этому противостоит только соображение, что и при гомосексуальной любви также имеется ревность и соперничество и что общество мужчин также включает в себя этих возможных соперников. Но даже если отказаться от этого умозрительного обоснования, для взаимосвязи гомосексуализма и социального чувства не может быть безразличным тот факт, что гомосексуальный выбор объекта нередко происходит из раннего преодоления соперничества с мужчиной.

В ходе психоаналитических рассуждений мы привыкли понимать социальные чувства как сублимацию гомосексуальных установок в отношении объекта. В таком случае у социально настроенных гомосексуалистов отделение социальных чувств от выбора объекта было бы не совсем удачным.

¹ [Страх женщины (лат.). — Примечание переводчика.]

«Ребенка бьют»
(К вопросу о происхождении сексуальных
перверсий)
(1919)